

УДК: 910.1+911.8

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ГОРНЫХ РЕГИОНОВ КAVKAZA И СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

© 2010 г. А.Н. Гуня

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 14.05.2009

Социально-политические изменения в различных горных регионах Кавказа и Средней Азии привели к диверсификации институтов природопользования, в частности снижению роли государственных и усилению роли традиционных институтов. Новые институциональные условия по-разному повлияли на оструктурирование пространства и сказались на состоянии ландшафтов и систем землепользования.

1. Постановка проблемы

Что является определяющим в разных траекториях современного развития горных регионов Кавказа и Средней Азии? Вопрос тесно связан с давно поднимаемой проблемой взаимоотношения структурных и институциональных факторов развития. К структурным факторам относят исторические, социально-экономические и природно-географические особенности региона, такие как географическое положение, наличие тех или иных ресурсов, особенности местных укладов экономики, этнокультурное разнообразие и др. Считается, что глубокого изучения данных факторов достаточно, чтобы объяснить современный уровень освоения и динамику природопользования, а также дать квалифицированный прогноз развития региона. Кризис и реформы 1990-х гг. опровергли эту позицию или, по крайней мере, поставили под сомнение ее универсальность. Для объяснения многих процессов и траекторий развития, которые возникли на постсоветском пространстве, потребовался анализ более динамичных, слабо детерминированных и поэтому плохо предсказуемых процессов, связанных со становлением механизмов принятия решений в управлении природопользованием, регулировании возникших конфликтов и др.

В последние годы объяснение географических различий и анализ структурных и институциональных факторов тесно смыкаются с обще-

тодологической дискуссией, затрагивающей переоценку базовых географических понятий (см., например [8]). В свете новейших представлений причины географических различий вряд ли могут быть сведены лишь к структурным различиям гор и равнин, народов, культур и др. Не менее, а может и более важны те факторы, которые влияют на *выраженность этих, якобы неизменных различий*. К таким факторам относятся институциональные особенности региона или местности, лежащие в основе тех или иных механизмов природопользования (эффективных или неэффективных, экологических, энергозатратных, архаичных и др.).

В 1990-е годы произошла переоценка роли государства в управлении и регулировании природопользованием на всех территориальных уровнях. Поддержка и влияние, оказываемые государством на местные сообщества, существенно снизились. Некоторые регионы получили при этом больше свободы действий. Вместо стратегии широкомасштабного освоения природы здесь стала преобладать адаптация к местным условиям – культурно-хозяйственным особенностям природопользования и локальным природно-ландшафтными структурам и процессам. Некоторые же регионы стали, наоборот, сильно зависеть от внешних социально-экономических процессов и условий. Правила природопользования стали, таким образом, более специфическими для регионов и стран.

Рассматривая роль структурных и институциональных факторов в различиях траекторий раз-

¹ Работа выполнена в рамках темы РАН ОНЗ 14 (проект 3.16) и гранта РФФИ (проект № 08-06-00097-а)

вития горных регионов Кавказа и Средней Азии, необходимо подчеркнуть важность обоих этих факторов. Однако *в географических работах значительно меньше обращено внимание на процессы институционализации природопользования*. Эти процессы мало учитываются, подходы к их анализу не разработаны.

2. Методологический подход

В советское время регулирование взаимоотношений между природой и человеком представляло одну из важнейших функций государства. Концепция рационального природопользования базировалась на четких целях, обеспеченных соответствующей информацией. В случае, если информации недостаточно, вместо рационального поведения выступает поведение по тем или иным правилам [5]. В горных районах, где существует особая неопределенность в проявлении тех или иных процессов, природопользование во многом базируется на правилах. Недостаточная информированность заставляет людей вести свою хозяйственную деятельность на основе собственного опыта и веками выработанных правил. Повторяющиеся правила, которые акцептируются большинством местного населения, частично кодируются поведением и передаются из поколения в поколения, закрепляются в традиционных институтах (землепользования, отгонно-пастбищного животноводства, водопользования и др.). Следует отметить, что даже в условиях вездесущего советского государства имелись определенные ниши, где природопользование осуществлялось по местным правилам (например, землепользование по обычному праву в некоторых горных районах Кавказа).

Институциональный подход к анализу природопользования предполагает выявление и анализ относительно устойчивых, повторяющихся правил природопользования, которые тесно связаны с местными природными и социо-культурными условиями. В широком понимании термина институт к нему относят все правила, в том числе и те, которые навязаны, а их соблюдение постоянно контролируется извне. В этом контексте к институтам часто причисляют и организации. Как правило, организации слабо укоренены в местные социальные системы и ландшафты. Они навязаны “сверху”, предусмотрены механизмы компенсации отрицательных последствий. Но со временем организации могут претерпеть определенные изменения, адаптироваться к местным природным и культурным условиям. В узком понимании под институтами понимаются только те правила, которые достаточно глубоко укоренены

в социальные системы, они в значительной степени репродуцируются и трансформируются этими системами. Схема образования традиционного института природопользования (близкого к пониманию института в узком смысле) приведена на рис. 1.

Видообразующее значение для образования того или иного института имеет так называемая ведущая идея (leading idea по В. Malinowski, цит. по [6]). Это осознанные представления (стратегии – в социально-антропологических терминах) о способе (способах) существования, поддержки жизнедеятельности и реакции на внешние факторы. В основе институтов природопользования лежит комплекс традиционных и инновационных представлений, которые ответственны за правила регулирования взаимоотношений между людьми, а также между людьми и окружающей средой в процессе природопользования. В местных сообществах эти представления или стратегии способствуют закреплению правил в поведении, автоматической передаче из поколения в поколения благодаря повторению из года в год практик использования природных условий и ресурсов.

Преимущественно социальные нормы и правила лежат в основе таких институтов, как местное самоуправление (формальное и неформальное), землевладение (частное или коллективное) и др. Ряд институтов в горах тесно связан с природными условиями, неся на себе отпечаток пространственно-временной организации природных систем. В случае, например, с институтом отгонно-пастбищного животноводства, ориентированного на сезонные природные различия, можно говорить о своего рода институциональном выражении структурных процессов.

3. Эмпирические данные

В основу изучения институтов природопользования положены полевые исследования, проведенные в различных горных регионах СНГ, главным образом на Кавказе и в Средней Азии. Обобщение полевых исследований дало возможность выявить обширную палитру институтов природопользования в горах. По источнику возникновения выделяются местные и заимствованные институты, по времени появления – старые и новые, по отношению к государству – государственные и негосударственные (например, неформальные и традиционные), по степени официального признания и закрепления в документах – формальные и неформальные, по механизмам регулирования – запрещающие, разрешительные, регулирующие, стимулирующие, по связи с природой – тесно связанные с природой или в большей степени зави-

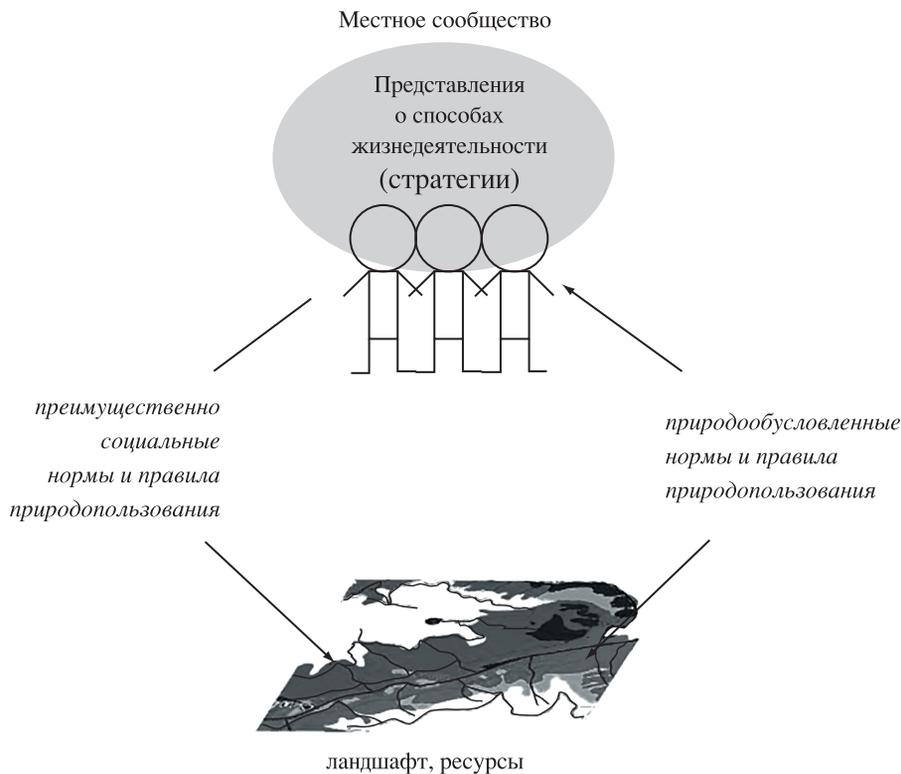

Рис. 1. Схема образования традиционного института природопользования.

сящие от административных и других факторов.

Различаются два крайних типа институционализации, по которым в настоящее время идет формирование или трансформация правил природопользования: институционализация “снизу” и “сверху” [1]. Институционализации “сверху” происходит в условиях, когда правила ресурсопользования конструируются извне за счет импорта институтов и организаций, осуществляемого в основном государством (в некоторых случаях – международными неправительственными организациями, а также бизнес-структурами). Закрепление импортируемых институтов не всегда сопровождается успехом и может занять значительное время. В некоторых случаях государство помимо привносимых институтов конструирует для них и соответствующую среду (в том числе не только природную, но и социальную, см. [7]). Успех импорта институтов повышается, но требует значительных средств. Наверное, при определенных социально-экономических предпосылках любую горную долину можно превратить в “сиконную”.

Институционализация “снизу” предполагает ведущую роль местных условий в возникновении институтов регулирования ресурсных отношений. Привнесение институтов природопользования извне ограничено. Роль государства сводится либо

к признанию и кооптации неформальных, например, традиционных институтов, либо происходит параллельное сосуществование государственных и местных неформальных институтов.

Как показали полевые исследования, проведенные в горных регионах Кавказа и Средней Азии с применением различных методов (картографирование ландшафтов и использования земель, интервью, обработка статистических данных), в действительности происходит сочетание двух названных путей институционализации. В таблице приведены показатели горного природопользования ключевых селений, собранные в ходе реализации международного проекта “Устойчивое развитие горных регионов Кавказа – местная Повестка дня на XXI век” (таблица) [3]:

Таблица показывает, что ключевые селения находятся не только в разных структурных (природных и социально-экономических), но и также в различных институциональных условиях развития. Эти условия прямо или косвенно иллюстрируются теми или иными показателями. Так, величина бюджетов местных администраций косвенно указывает на роль государства в регулировании природопользования на локальном уровне. Конечно, данные показатели отражают не все аспекты взаимоотношения государства и локального сообщества. Так, несмотря на низкую долю

Таблица Характеристика ключевых селений (данные за 2005–2006 гг.)

Характеристика ключевых селений	Азербайджан		Армения		Грузия			Россия	
	Ениел-2	Сис	Шванидзор	Елпин	Чиора	Шапили	Стур-Дигора	Тетенекли	
Высота н.у.м. (средняя)	750	900	650	1550	1350	1600	1650	1800	
Мах. высота н.у.м. земель, используемых селением	850	1000	2860	2800	3500	2600	2400	2200	
Удаленность от ближайшего города, км	10	20	20	27	30	100	45	45	
Удаленность от столицы или центра региона, км	170	140	410	97	380	150	100	100	
Количество населения, человек	109	350	358	1170	250	200	250	200	
Преобладающий этнос	Азербайджанцы		Армяне		Грузины		Осетины	Балкарцы	
Всего земель (га) в расчете на одного человека	1.6	1.03	11.8	4	44	233.7	7.6	2	
Количество пашни на человека (га)	0.42	0.43	0.2	0.34	0.26	1.2 ²	0.29	0.45	
Количество скота на гектар пастбищ ³ (скот/га)	3.1	1.6 ⁴	0.3	0.3	0.2	0.07 ⁵	0.4	2.3	
Бюджет (в перерасчете евро на человека)	2.75	1.6	19.3	15.4	18	20.4	52	57.6	
Основные процессы, связанные с антропогенной деградацией ландшафта	Оползни	Деградация культурного ландшафта	Нитрификация почв, деградация культурного ландшафта		Обезлесивание, деградация культурного ландшафта	Деградация ландшафта		Эрозия почв на склонах	
Основной фактор, лимитирующий развитие	Несовершенство рыночных отношений	Безработица	Дефицит поливной воды	Слабая диверсификация	Искженные рыночные цепки, проблемы транспортной доступности	Проблемы транспортной доступности	Безработица	Несовершенство административно-управленческой системы	
Соотношение государственных институтов и местного самоуправления	Относительно слабое влияние государства и слабое местное самоуправление	Относительно слабое влияние государства и слабое местное самоуправление	Относительно слабое влияние государства и относительно сильное местное самоуправление		Относительно слабое влияние государства и слабое местное самоуправление	Преобладание местных институтов	Преобладание государственных институтов		
Число неправительственных организаций в селении	0	0	1	1	3	3	0	0	

² Расчетные данные (около 10% от всей культивируемой площади).

³ В перерасчете на крупный рогатый скот (1 корова = 3 овцы или козы).

⁴ 4.5 единиц скота на гектар без учета заповедного массива пастбищ.

⁵ 0.6 единиц скота на гектар в прилегающей к селениям зоне.

местных бюджетов в Азербайджане локальные процессы и проблемы находятся здесь под постоянным контролем со стороны государственных органов.

Больше возможностей в регулировании использования местных ресурсов имеет местное самоуправление в Армении. В Грузии местные органы самоуправления также получили большую свободу действий, однако на деле пока еще не нашли пути реализации этих свобод и испытывают большие трудности. Государство не справляется с выполнениями многих базисных функций на локальном уровне (обеспечение школами, медицинским обслуживанием и др.). В определенной мере эти функции взяли на себя неправительственные организации, получающие финансовую поддержку из-за рубежа.

Место географии в изучении институтов природопользования. В систематическом географическом исследовании институтов природопользования сделаны пока еще первые шаги². Исходя из опыта полевых работ по изучению институтов горного природопользования, можно выделить две важнейшие задачи институциональной географии. Одной из них является установление того, как институты природопользования влияют на структурирование пространства – образование центров, границ, переходных зон и др. Важно *изучение пространственных проекций институтов природопользования*, которые могут быть близкими, но не обязательно совпадать с известными нам природно-ландшафтными, социально-экономическими или этнокультурными ареалами и границами. Другой, не менее важной задачей является изучение влияния институтов разных типов на состояние ландшафтов, систем землепользования и расселения, размещение хозяйства и др. Для иллюстрации применения географических методов при изучении институтов природопользования и решения названных задач взяты землепользование и отгонно-пастбищное животноводство.

Считается, что институт *отгонно-пастбищного животноводства* является одним из наиболее самоорганизующихся и устойчивых, а характер его трансформации может служить индикатором состояния всего природно-хозяйственного комплекса горного региона. В качестве ведущей идеи или стратегии выступает использование пастбищных ресурсов по сезонам в соответствии с динамикой биопродуктивности. Нормы и правила вы-

гона и перегона скота тесно связаны с местными природно-ландшафтными и социально-культурными условиями. В зависимости от этих условий формируются различные типы отгонно-пастбищного животноводства. Следует отметить три его основных эколого-географических типа в горных регионах Кавказа и Средней Азии. Первый тип – кочевое хозяйство или номадизм – ныне не существует в пределах стран Кавказа и Средней Азии. Ко второму типу относится так называемый трансхюманс (*transhumance*), включающий в себя в самом общем виде выпас круглый год (летом выше селения, а зимой – ниже). К третьему типу относится хорошо описанный в немецкоязычной литературе альпвиртшафт (нем. *Almwirtschaft*), когда происходит только летний выпас на пастбищах, расположенных выше селений. Этот тип наиболее распространен в горах Кавказа и Средней Азии. Его кавказский и среднеазиатский варианты предполагают часто также зимний выпас вблизи селений.

В СССР существовали длинные межрегиональные миграции, например, из Грузии в полупустыни Северного Кавказа на зимние пастбища, из гор Тянь-Шаня в степи Казахстана. Межрегиональным миграциям скота способствовала система так называемого запредельного землепользования. Так, многие хозяйства Таджикистана в 1960–1980-х гг. имели более половины своей сельскохозяйственной площади (в основном пастбищ) в пределах других административных районов. Несмотря на критику этой системы (исходящую в основном от экономистов) она играла определенную положительную роль в регулировании нагрузок на ландшафты, а также способствовала диверсификации локальных систем хозяйствования.

Создание новых государств и возведение границ привело к тому, что ныне в горах Кавказа и Средней Азии многие межрегиональные перегоны прекратились. Однако в отдельных случаях трансграничные перегоны скота, в основе регулирования которых лежат веками используемые нормы и правила, сохранились. Так, в Ферганской долине перегоны скота из полупустынно-пустынной зоны в высокогорные альпийскую и субальпийскую опираются на неформальные институты, которые выработывались столетиями. Несмотря на то, что между Узбекистаном и Кыргызстаном нет соглашений в области использования пастбищ, скот (в основном овцы) из узбекской части Ферганской долины продолжают гонять на горные пастбища Кыргызстана. Такая же ситуация наблюдается в приграничных районах Таджикистана и Кыргызстана (хотя здесь есть примеры заключения до-

² В этом отношении следует отметить работу Фоменко Г.А. Управление природоохранной деятельностью. Основы социо-культурной методологии. М.: Наука, 2004.

Россия		
Таджикистан	Казахстан	Армения
Узбекистан	Азербайджан	Грузия
		Кыргызстан
Приватизация сельскохозяйственных земель не предусмотрена законами или предусмотрена с огромными ограничениями	Приватизация сельскохозяйственных земель определена законами, но ее реализация идет медленно или задерживается	Приватизация сельскохозяйственных земель определена законами и происходит быстрыми темпами

Рис. 2. Институциональные условия для приватизации земель сельскохозяйственного назначения в некоторых странах бывшего СССР (по результатам полевых работ 2006–2008 гг.).

говоров и легализации выпаса скота из таджикских селений на летних пастбищах Кыргызстана). Важную роль играют неформальные соглашения и договоренности между местными жителями. При этом часто используются сети доверия, оставшиеся еще с советского времени. В новых условиях уменьшились расстояния перегона скота, отмечается рост неравномерности в нагрузках на различные ландшафты. Так, нагрузки на низкогорный пояс эфемеров возросли, в то время как высокогорье оказалось недогруженным. Простаивание или недоиспользование высокогорных пастбищ привело к увеличению дерновинных злаков, ухудшивших качество пастбищ.

На Северном Кавказе сокращение перегонов скота в 1990-е гг. привело к уменьшению поголовья скота и неравномерному использованию пастбищ. Так, известные в Кабардино-Балкарии зольские пастбища долгое время оставались недоиспользованными, отчасти еще и потому, что животноводы боялись скотокрадства, рэкета. Миграции прекратились и потому, что скотопогоны протягивались через ареалы проживания других этносов, настроенных враждебно.

Институциональные изменения в системе отгонно-пастбищного животноводства сказались на трансформации использования пастбищ и характере воздействия на ландшафты. Влияние на ландшафты было подробно изучено на нескольких ключевых участках, в частности в Кош-Агачском районе на Алтае, в Ягнобской (Таджикистан) и в Баксанской (Кабардино-Балкария) горных долинах. Методами исследования являлись крупномасштабное картографирование пастбищ на ландшафтной основе с оценкой нагрузки количества условных голов на дни и гектары, а также интервью местных жителей и статистические данные. Проследившая изменение нагрузки на пастбища с конца 1980-х гг. по настоящее время, можно отметить, что через 10 лет (середина 1990-х гг.) общая нагрузка значительно уменьшилась за счет со-

кращения количества скота в коллективном секторе. Сокращение нагрузки могло бы быть еще большим, если бы не уменьшение пастбищного периода, вызванного прекращением сезонных миграций скота во многих регионах. Еще через 10 лет (2005–2007 гг.) некогда обширные пастбища оказались в виде отдельных, разомкнутых в пространстве ареалов, которые приурочены к отдельным пользователям или отдельным селениям. В результате этих изменений наблюдается усиление диспропорций в использовании ландшафтов: одни ландшафты все больше “дичают”, в них отмечается снижение биоразнообразия, появление плотно-дерновинных злаков. Другие ландшафты, расположенные вблизи селений, деградируют в результате переиспользования, в них развиваются склоновые процессы. Государство пока слабо влияет на процессы регулирования отгонно-пастбищного животноводства, предпочитая либо не вмешиваться, либо ограничивая использование тех или иных путей миграции и пастбищ (например, расположенных в приграничных районах).

Важные изменения в институтах природопользования связаны с *земельной реформой*, которая сильно повлияла на разнообразие институтов и углубление различий между горными регионами. Ярким примером может быть приватизация земель сельскохозяйственного назначения (рис. 2). Крайние позиции занимают Узбекистан и Кыргызстан. Между ними находится большинство стран, в том числе Россия, которые имеют законы о приватизации, но на деле приватизация осуществляется медленно.

Наиболее продвинулся Кыргызстан, где была осуществлена раздача земельных паев поровну в расчете на всех членов семьи. Лишь часть земли (как правило, незначительная) осталась в коллективном (общественном) пользовании. Узбекистан прошел этап ширкатных³ хозяйств и в настоящее время сельское хозяйство находится на этапе своеобразного “фермерства”. По тендерам землю получили бывшие председатели, агрономы и другие специалисты, которые имели знания и технику. Землю не стали дробить, чтобы не было дополнительных проблем с водой и подъездными дорогами. Остальное население автоматически превратилось в наемных рабочих у тех, кто “выиграл” тендер и стал “фермером”. Земля

³ Согласно закону Узбекистана, ширкат или сельскохозяйственный кооператив является самостоятельно хозяйствующим субъектом с правами юридического лица, основанным на паевых началах и преимущественно семейном (коллективном) подряде, добровольном объединении граждан для производства товарной сельскохозяйственной продукции.

предоставляется фермеру безвозмездно (первые два года он не платит налогов) на срок до 50 лет. Однако государство оставило за собой право отобрать эту землю в случаях, предусмотренных законодательством (в частности, если фермер не выполняет госплан на поставку хлопка и зерна).

Данный пример показывает, что такой тип фермерства тесно связан с государством и его централизованной властью. Контурность полей, обусловленная природными и техническими (иригационная сеть, дороги и др.) факторами, в определенной мере повлияла на выбор институциональных механизмов землепользования. Невозможность эффективно поделить поля стала важным доводом для местной бюрократии, чтобы отвергнуть вариант раздачи земель всем желающим.

В Таджикистане колхозы и совхозы вначале также были трансформированы в кооперативные хозяйства, в которых практически сохранились все советские атрибуты (включая планы, правление, большой штат специалистов и др.). Вследствие их низкой эффективности был издан указ президента о расформировании хозяйств. Однако до сих пор этот процесс не закончился. Имеются большие различия в проведении реформ (с большим успехом в Горном Бадахшане и меньшим – на севере Таджикистана).

Реализация и следования официальным законам о приватизации земель в России сильно различается от региона к региону. Примером крайних позиций могут быть два соседних горных региона – Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. В Карачаево-Черкесии приватизация сельскохозяйственных земель идет быстро, в то время как в Кабардино-Балкарии наложено вето на 49 лет, государство остается основным распорядителем. Однако под этой вывеской проводятся широко-масштабные эксперименты, в которых участвуют чиновники, пытающиеся получить право доступа к земельным ресурсам.

Главные районы приватизации в Карачаево-Черкесии находятся в основном в предгорьях (Адыге-Хабльский, Хабезский, Прикубанский, Зеленчукский районы). В среднегорьях и высокогорьях (Малокарачаевский и Карачаевский районы) приватизация идет слабо или вообще отсутствует. В силу сложных природных условий здесь мало пахотной земли. Имеющиеся участки пашни давно заняты под частные огороды. Определенным фактором, тормозящим формализацию (землеустройство и регистрация наделов) имеющихся земельных отношений, является отрицательное отношение горцев к плате налогов на землю.

По мнению некоторых исследователей, у горцев Северного Кавказа понятие налоги отсутствует [4].

Как показали результаты исследования путей институционализации, приватизация земель в горах привела к диверсификации прав на землю: от частной собственности в западном понимании до эксклюзивных прав на те или иные угодья. При этом характерны следующие тенденции:

1. закрепление или формализация уже имеющихся неформальных прав на землю. Речь идет об огородах, поливных сенокосах и других участках земли, которые давно использовались в рамках обычного права. Особенно возросла активность по закреплению прав на землю (получение документов) в горно-рекреационных районах, где сформировался рынок земли;

2. наделение частных доп. земельными участками (в основном при реформировании коллективных предприятий);

3. расширение института аренды (в ее различных формах).

Диверсификация прав землепользователя в пространственном аспекте может быть проиллюстрирована на результатах обследования в Баксанской долине (рис. 3). Приусадебные участки (1 на схеме) фактически закреплены в частной собственности. Их величина колеблется в зависимости от местности. Еще в советское время существовали официальные ограничения. Например, в высокогорье (Терскол, 2100 м над уровнем моря) верхний предел ограничивался 4–6 сотками земли, в среднегорье (Верхний Баксан, 1450 м) – около 10–12, а в предгорье это цифра доходила до 20 соток и более. Ныне эти пропорции сохранились, хотя и не везде. Предметом купли-продажи являются огороды. Земля под огородами часто служит местом возведения домов, а в рекреационных районах – коттеджей. Одна сотка в Приэльбрусье стоит от нескольких тысяч до десятка тысяч долларов.

Поливные сенокосы (2) издавна были в собственности горцев, в основном не отдельных семей, а родов. Они передавались из поколения в поколение, хотя, как правило, не закреплялись в документах. Ныне эти земли закреплены за конкретными лицами, их можно сдавать в аренду при сохранении типа использования, на них есть соответствующие документы.

Близкорасположенные пастбища (3) также издавна были в собственности горцев. В советский период они формально принадлежали колхозам или совхозам, но фактически использовались по

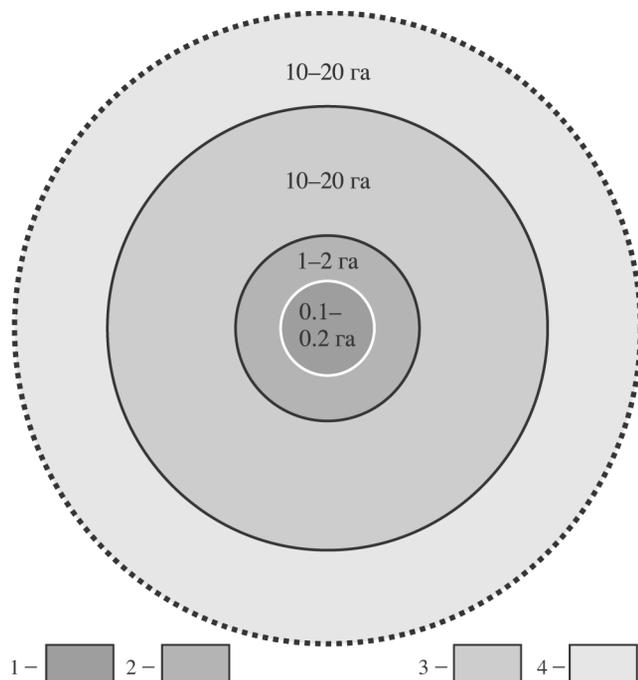

Рис. 3. Диверсификация прав землепользователей (на примере средней семьи в верховьях Баксанской долины). 1 – приусадебные участки, 2 – поливные сенокосы, 3 – близко расположенные пастбища (долговременная аренда, из общего массива земель не выделены), 4 – далеко расположенные пастбища (краткосрочная аренда, из общего массива земель не выделены).

тем правилам, которые издавна укоренились в местном сообществе. Находящиеся в коллективной собственности пастбища используются по правилам, учитывающим совместные интересы и ограничения. К ним относятся организация выпаса (время, место), слежение за состоянием пастбищ, создание стад, выбор способа контроля. В настоящее время в условиях неконтролируемого роста скота и отсутствия гарантированного обеспечения зимними кормами местные институты не справляются с регулированием выпаса на близлежащих к селениям пастбищах, которые испытывают наибольшую нагрузку и глубокие нарушения в ландшафтах.

Далеко расположенные пастбища (4) арендуются (часто за символическую плату) у местных землепользователей. В Приэльбрусье это помимо местного муниципалитета еще и Национальный парк.

Данная схема, иллюстрирующая пространственные закономерности в диверсификации прав на землю, имеет свои варианты в различных регионах и странах. Универсальным остается наличие ядра и переходных зон с постепенным ослаблением прав на землю. Приватизация дала толчок к активизации сельскохозяйственного природополь-

зования в ареалах, близких к центрам, а также там, где есть вода, рынок, доступ к удобрениям. Резко усилилась мелкоконтурность, которая на начальном этапе развития рыночных отношений (и при условии отсутствия монополистов в лице местных авторитетов) имеет тенденцию к усилению дробности участков по мере приближения к селениям и транспортным магистралям. Далеко расположенные от селений и транспортных магистралей угодья стали нерентабельными. Вместо традиционной для горного земледелия поликультурности стало развиваться монокультурное, ориентированное на рынок, хозяйство (например, капуста и другие овощи в межгорных котловинах и предгорной зоне на Северном Кавказе, картофель в высокогорных долинах в Таджикистане и др.).

Приватизация земель при отсутствии севооборотов и других агрономических мероприятий привела к активизации склоновых процессов. Особенно это касается предгорных территорий с чехлом лессовидных суглинков (Средняя Азия). В крупных рекреационных районах приватизация усилила предпринимательскую активность. Расширение частного права на землю привело в ряде случаев к глубоким экологическим последствиям. Имеются случаи, когда частная застройка выходит в зоны распространения опасных природных процессов (в первую очередь лавин и селей).

Пример картографирования различных пространственных ареалов, в которых по-разному осуществляется институционализация природопользования, представлен на карте (рис. 4). Высокогорье относится к территориям, где преобладают государственные институты и правила природопользования (механизмы, рычаги – в терминологии советского периода). Здесь расположены природоохранные зоны (Кабардино-Балкарский и Тебердинский заповедники, Национальный парк “Приэльбрусье”), а также приграничные зоны, которые управляются непосредственно федеральным центром. К этому же ареалу относятся лесные массивы, природопользование в которых ограничено законами.

Ко второму типу относятся территории, где в институтах природопользования большой вес имеют традиционные и неформальные правила. Это среднегорья с примыкающими к ним освоенными участками высокогорных долин и реже низкогорий. Вся плотно заселенная предгорно-равнинная зона относится к смешанному типу институционализации: здесь встречаются симбиозные и другие сочетания государственных институтов и организаций с местными, традиционными и не-

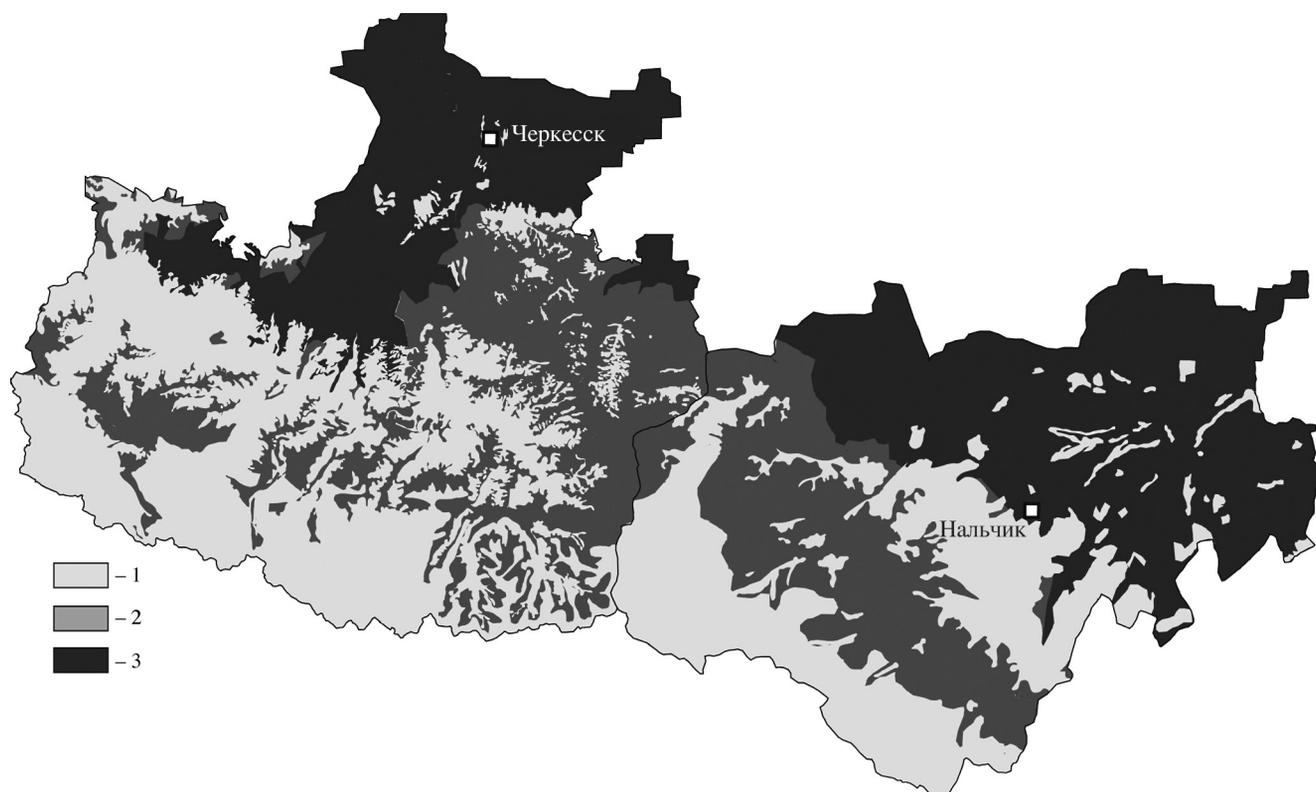

Рис. 4. Арелы современной институционализации природопользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии: 1 – институционализация при ведущей роли государства, 2 – институционализация при ведущей роли местных условий и сообществ, 3 – смешанные пути институционализации.

формальными институтами.

Особенность горных территорий то, что пространство, в пределах которого осуществляется институционализация, не представляет единого массива, а резко расчленено природными условиями и состоит из своеобразных “лоскутов”. По этой причине оно часто не соответствует масштабным акциям и нововведениям извне (например, организации крупноконтурного землепользования). Оно часто представляет некий относительно автономный от государства мир, в котором преобладают негосударственные, в большей степени традиционные институты природопользования. В силу специфики природных условий государственные институты здесь неэффективны. Попытки государства унифицировать институты нередко были нацелены на глубокую трансформацию структурных условий. В этом контексте следует упомянуть о масштабных акциях по вынужденному переселению из гор на равнины, укрупнению селений и др. Реализация законов о муниципальных образованиях привела в нынешнее время к возникновению в горных районах ряда противоречий и конфликтов интересов местного сообщества и государства. Такие конфликты в довольно острой форме возникли в связи с директивной сменой

статуса и границ территорий сельских муниципальных образований. Примерами могут служить конфликтные ситуации в балкарских селениях Эльбрус и Хасанья (Кабардино-Балкария), абазинском ауле Кубина (Карачаево-Черкесия) и др.

Как оценить эффективность институтов природопользования? Как выяснилось в результате полевых исследований, эффективность тех или иных институтов природопользования нельзя оценить только в одном каком-нибудь аспекте. Сравнительный анализ природопользования в горных регионах позволил выделить три показателя эффективности [2]:

1. Встроенность института природопользования в природные структуры и ритмы, оцениваемая, в частности, по реакции самих природных систем, их нарушенности, проявлению стихийно-разрушительных процессов и др.;

2. Укорененность института природопользования в местные социальные системы. Слабо укорененные, например, навязанные сверху правила природопользования малоэффективны и могут усиливать социальную напряженность;

3. Гибкость в отношении к инновациям и внешним вызовам. Существуют как подверженные

нововведениям и легко разрушаемые институты, так и устойчивые к новшествам, а порой с пользой заимствующие новые правила и технологии (без разрушения самого института).

В том идеализированном случае, который соответствует представлениям об устойчивом развитии, институт природопользования должен максимально учитывать природные структуры и ритмы, быть глубоко укорененным в местные сообщества и гибким в отношении внешних вызовов. Далеко не все институты природопользования в горах отвечают этим условиям. Еще в 1990-х гг. в горной географии господствовала точка зрения о близости к этому идеалу традиционных институтов природопользования. Однако позднее было установлено, что далеко не все традиционные институты соответствуют третьему условию. Они весьма подвержены губительному влиянию инноваций.

4. Заключение

Обобщение полевых данных, накопленных в ходе полевых работ в горных регионах, показало, что институционализация природопользования на нынешнем этапе происходит по двум направлениям: институционализация “сверху” за счет усилий государства по поддержке старых и внедрению новых правил природопользования и “снизу” за счет институтов и правил, возникновение которых связано с трансформацией и адаптацией местного сообщества к новым условиям. Государство остается важным экспортером институтов. Это происходит через внедрение организаций, которые затем могут быть с тем или иным успехом закреплены в местных институтах. Институционализация “снизу” осуществляется в результате появления новых или восстановления старых правил природопользования. Эти институты проверены временем и учитывают неопределенность и многовариантность динамики природно-ресурсных условий в горах. Они хорошо адаптированы к природным условиям и глубоко укоренены в систему местных традиций. Однако многим из них угрожают глобализация и инновационные процессы. Они очень уязвимы для технологий, которые нацелены на краткосрочный эффект, но в долгосрочной перспективе приносят большой вред. Яркий пример – внедрение новых пород скота, которые в 1990-е гг. заменили местные, экономически менее эффективные, но зато приспособленные к природно-климатическим условиям данного региона. После кратковременной эйфории жители начали поговаривать о возвращении местных пород, более устойчивых к болезням и неприхотливых к питанию.

Демонополизация прав государства в области институционализации природопользования привела к диверсификации институтов. Большой спектр смешанных государственных и негосударственных институтов, например, государственной и частной собственности на землю, соответствует в целом разнообразию природных и социально-культурных особенностей тех или иных регионов. Ослабление влияния государства привело к увеличению роли местных институтов. Не всегда положительные особенности местных институтов, такие как адаптация к местным условиям, экстенсивное использование ресурсов окружающего ландшафта и др., компенсируют негативные процессы. Так, современные институты, основанные на сочетании формальных и неформальных, государственных и традиционных, новых и старых правил природопользования, значительно меньше стали учитывать различия между крупными ландшафтными рубежами и многолетние ритмы в динамике природных систем. Значительно сократились перегоны скота по высотным зонам, почти прекратились межрегиональные взаимовыгодные миграции скота. Произошла интенсификация землепользования вблизи населенных пунктов и более “плотное” освоение на микроландшафтном уровне. Частные кратковременные интересы отодвинули на второй план учет многолетней ритмики в проявлении стихийно-разрушительных процессов.

Исследования показали, что традиционные географические методы анализа природопользования оказались недостаточными, чтобы объяснить, почему в одинаковых природных условиях наблюдается различный уровень интенсивности и эффективности использования ресурсов и наоборот. Традиционные исследовательские задачи, которые решает географ в полевых условиях, в основном связаны с поиском ответов на вопросы “где” и “что”. Вопрос “каким образом” часто отодвигается на второй план, если и вовсе не опускается. Каким образом осуществляется природопользование, что лежит в основе механизмов, способствующих повторению и закреплению тех или иных типов природопользования в местных сообществах – важнейшие вопросы, на которые должен отвечать географ в рамках институционального подхода. Ответ на эти вопросы требует выявления тех устойчивых институциональных механизмов, которые, усиливая или ослабляя структурные различия (например, гор и равнин), лежат в конце концов в основе регулирования взаимоотношений природы, населения и хозяйства на конкретной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуля А.Н.* Трендовые изменения и развитие горного региона: методология, географический анализ и возможности управления. Нальчик: КБНЦ РАН, 2004. 224 с.
2. *Гуля А.Н.* Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы (на примере динамики расселения и землепользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). Нальчик: КБНЦ РАН, 2008. 160 с.
3. *Гуля А., Рэнне С., Шатаберашвили Н.* Современные тенденции развития на Кавказе на локальном уровне // Кавказский географ. журн. 2007. № 7, 8. С. 43–51.
4. *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1997. № 108. С. 6–8.
5. *Gregory P.R., Stuart R.S.* Comparing Economic Systems in the Twenty-First Century. Seventh edition. Houghton Mifflin Company. Boston, New York, 2004. 558 с.
6. *Lindner P.* Zur geographischen Relevanz einer institutionenorientierten Analyse von Industrialisierungsprozessen // Geographische Zeitschrift. 1998. № 86. Heft 4. S. 210–224.
7. *James C. Scott.* Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London, New Haven: Yale Univ. Press, 1998. 270 с.
8. *Harvey D.* Justice, Nature & the Geography of Difference. Blackwell, 1997. 480 с.

Modern Tendencies in Institutionalization of Nature Use of the Caucasian and Central Asian Mountain Regions

A.N.Gunya

Institute of Geography, RAS

Social-political changes in the different regions of the Caucasus and Central Asia lead to diversification of the nature use institutions, in particular to lowering of the governmental and strengthening the role of traditional institutes. A new institutional conditions differently influenced on structuring of the area and affected on condition of the landscape and land use system.